

Финансовый кризис и кризис совести

Майкл Смит, независимый журналист, писатель

Двадцать один год назад пал железный занавес, положив конец тоталитарному правлению в Советском Союзе. Одним из последствий этого падения был рост влияния коммерческих предприятий. По словам бывшего руководителя «Морган Стэнли» сэра Дэвида Уокера¹, «в результате расширения демократии в мире, а также глобализации производства, торговли и рынков капитала в распоряжении правлений ряда крупнейших корпораций оказались полномочия, уступающие только власти избранных правительств и превышающие полномочия правительств многих небольших государств. И действительно, к 1998 году 51 крупнейшая экономика мира была не национальной, а корпоративной.²

Но показал ли корпоративный мир соответствующий рост зрелости своих моральных обязанностей за последний 21 год? Вряд ли, если принять во внимание явный кризис капитализма, последовавший за банковским и общеэкономическим крахом 2008 года, и неоправданную угрозу природе, наподобие катастрофы «Бритиш петролеум» в Мексиканском заливе. С моей стороны было бы бессовестно тыкать пальцем в якобы ковбойский капитализм на Востоке и при этом отводить глаза от грубейших просчётов рыночного капитализма на Западе.

Крайности финансовых рынков поставили под вопрос всю капиталистическую систему как таковую. После крушения «Lehman Brothers» 15 сентября 2008 года с полок книжных магазинов смели «Капитал» Карла Маркса. Правда, Филип Коллинз отметил в лондонской «Таймс» за 21 октября 2008 года один парадокс: Маркс писал свою обличающую капитализм книгу, «принимая при этом от него подаяние» из рук своего друга и соратника, манчестерского фабриканта Фридриха Энгельса. «Если бы не Энгельс, — говорит Коллинз, — Маркс никогда бы свою книгу не закончил. Строго говоря, если бы не Энгельс, Марксу не удалось бы закончить даже свой ужин».

Финансовый кризис привёл к переоценке ценностей на высочайшем уровне, от правительств до кабинетов советов директоров. Ещё никогда волны кризисов не накрывали так много людей и так быстро. Когда фондовые рынки посыпались, как домино, накрыло всех. В странах Запада резко выросли заимствования госсектора и уровень национального долга, поскольку правительства швыряли миллиарды на выкуп и национализацию гибнущих банков за счёт налогоплательщиков. Государству пришлось всё взвалить на себя, и теперь меньше вкладывается в больницы, школы, инфраструктуру, охрану природы и сохранение энергии. Безработица выросла, от неё страдают семьи, города, деревни.

Поднялся спор на тему: был ли финансовый кризис вызван нехваткой регулирования, или же от стал следствием отказа от несения моральных обязательств как людьми, принимающими важные решения, так и простыми обывателями?

Безусловно, это была ошибка управления, допущенная как советами директоров, так и аудиторами и рейтинговыми агентствами. Именно последние, получая деньги от продавцов, а не от покупателей, присваивали рейтинг AAA различным дериватам, не замечая прямой конфликт интересов. На самом деле, «активы с ипотечным обеспечением», как оказалось, не были обеспечены реальностью.

Кризис определённо дал шанс ещё раз обратить внимание на основополагающие вопросы морали и нравственности: морали — в смысле личной приверженности важнейшим ценностям, таким, как смелость, скромность, осмотрительность, умеренность, честность, бескорыстие, любовь и чувство справедливости, часто, хотя и не обязательно, покоящееся на вере в Бога; и нравственности — в смысле применения принципов морали на организационном уровне как согласованного кодекса поведения; нравственность есть предмет изучения и результат приложения нравственной философии.

В отзывах комментаторов звучали такие слова, как азарт и жадность, нечестность и страх, паника вместо уверенности, риск и высокомерие вместо осторожности и благоразумия. В основе всего здания банковского кредитования лежало желание получить максимальную прибыль, предположительно нечестная оценка кредитоспособности индивидуальных заёмщиков, а также конкуренция между банками в удовлетворении требований акционеров за счёт третьих лиц.

Американские банки вкладывали крупные средства в рынок массовой ипотеки, зная, что многие заёмщики не кредитоспособны и могут оказаться не в состоянии выплачивать проценты по ссудам, не говоря уже о самом долге. Это был картонный домик, который неминуемо должен был развалиться. Как только один американский банк оказался неспособным платить по обязательствам, остальные заморозили межбанковское кредитование, и ликвидность на рынке пропала. Доверие между банками улетучилось. Где же, спрашивается, было регулирование? Может быть, либерализация зашла слишком далеко после отмены в 1999 году закона Гласса — Стигалла 1933 года, разделившего депозитные и инвестиционные банки? Где были аудиторы банков? И какую роль в оценке рисков могли бы сыграть институциональные инвесторы банков, в том числе пенсионные фонды?

В Великобритании строительные общества (ипотечные кредиторы) превратились в банки и стали первым делом ориентироваться на прибыль, а не на благоразумие. Один из них, Bradford and Bingley, например, вкладывал огромные средства в рынок аренды помещений через так называемые «лживые займы». Отдельные заёмщики могли завешать свои доходы, и при этом от них не требовали ни подтверждения кредитоспособности, ни обеспечения. По большому счёту, это было враньё. Когда один сотрудник банка Halifax Bank of Scotland предупредил начальника отдела оценки рисков Пола Мура, что банк честным путём не сможет выполнить план по продажам, тот доложил об этом правлению. Вскоре его уволили, и он стал известен как разоблачитель HBOS.

Несмотря на боль, в конечном итоге это может оказать целительное действие. Финансовый кризис дал возможность спросить, как должна работать капиталистическая система в лице своего авангарда, вновь проанализировать основополагающие мотивы и задаться вопросом: во что надо верить? В рынок, прибыль и сам капитализм или во что-то более глубокое? Те, кто ориентировался исключительно на прибыль и «сребролюбие», которое апостол Павел считал «корнем всех зол» (1-е Послание к Тимофею, гл. 6, ст. 10), начинают понимать, что богатство в виде материальных благ — это иллюзия. Слабость человеческой природы свидетельствует, что чем больше мы имеем, тем больше хотим. Когда у Джона Рокфеллера спросили: «Достаточно — это сколько?», он якобы ответил: «Ещё чуть-чуть». Однако сейчас приходится быть бережливее и сбрасывать ненужный балласт, пока правительство урезает государственные расходы, стремясь сократить госдолг. Мы приходим к выводу, что в основе безопасности и удовлетворённости лежит не столько максимальный рост богатства, сколько вечные вопросы цели, смысла жизни и сочувствия к тем, кто богатством обделён.

Так как же спасти капитализм от него самого? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к отцу этого самого капитализма. Адам Смит в 1752-1764 гг. заведовал кафедрой моральной философии Университета Глазго, и это, по его словам, был «самый полезный и, следовательно, самый счастливый и достойный период» его жизни. «Теория нравственных чувств» была написана им в 1759 году, за 17 лет до опубликования «Богатства народов».

В первой книге он обращался к «беспристрастному наблюдателю» внутри каждого из нас, который ведёт себя как «полубог в груди». Он там «говорит от своего лица и *от лица других*». И «в гонке за богатством, если случается несправедливость, Беспристрастный Наблюдатель переходит на другую сторону». Иначе говоря, жадность и стремление к прибыли нельзя простить, если они ведут к несправедливости. На кону — фундаментальные принципы морали. По мнению Смита, «в ограничении наших эгоистических пристрастий и поощрении благих и состоит совершенство человеческой природы... Сколь бы эгоистичен ни казался человек, в его природе очевидно существуют те или иные принципы, которые заставляют его интересоваться судьбами других людей и делают их счастье необходимым для него, хотя он ничего с того не имеет, разве что удовольствие от его созерцания».

Он называл «человека внутри нас» (совесть, если говорить современным языком) «вице-регентом Божества», и нам надлежит «помогать Божеству и претворять, насколько это в нашей власти, замысел Провидения».³

Отказался ли Адам Смит от своей этики в «Богатстве народов», опубликованной в 1776 году (году обретения Америкой независимости), через 12 лет после ухода с должности заведующего кафедрой Моральной философии? Можно ли сказать, что его вторая книга, экономический трактат, отстаивала преследование личных интересов? Не факт. В гл. 9 кн. 1 «Богатства народов» он пишет: «Наши торговцы и фабриканты много жалуются на

тяжкие последствия высоких заработков, ведущих к повышению цен и, следовательно, снижению спроса на их товары, как внутри страны, так и за рубежом. Но они ни слова не говорят о тяжких последствиях высоких прибылей. Они молчат о пагубных последствиях своих собственных доходов. Они жалуются только на доходы других». Смит выступает за ограничение максимального размера прибыли в пользу выплаты более высоких заработков, чтобы богаче стало всё общество. И он действительно выступал против эксплуататорских прибылей «Ист-Индской компании», подобно Эдмунду Берку и Карлу Марксу, писавших в Лондоне свои статьи для «Нью-Йорк дейли трибюн».⁴

Можно предположить, зная отношение Смита к «самому достойному» времени, когда он заведовал кафедрой Моральной философии, что свою первую книгу он считал столь же значимой, что и вторую. В своей книге «Моральный капитализм»⁵ исполнительный директор группы высокопоставленных менеджеров Saux Round Table Стивен Янг утверждает, что разделение двух текстов Смита приводит к извращённому пониманию нами того, каким должен быть капитализм.

Раймонд Бейкер, старший научный сотрудник вашингтонского Центра международной политики и ведущий специалист по вопросам борьбы с отмыванием денег, придерживается того же мнения. Вот что он пишет в своей книге «Ахиллесова пята капитализма» (*Capitalism's Achilles' Heel*)⁶: «Именно функционирование человека в обществе, в общении с подобным себе, когда посредством «обычая и опыта» складывается постоянно растущий багаж нравственной восприимчивости и убеждений, и составляет движущую силу его [Адама Смита] этической системы... Каждая страница «Теории нравственных чувств» отражает взгляд Смита на «привлекательные достоинства», приличествующие сильной личности... Именно такие люди, честные и отзывчивые, по его мнению, должны управлять системой свободного рынка, описанной им в «Богатстве народов», второй части его великого вклада в идеи Просвещения и будущие столетия».

Можно сделать вывод, что капитализм, по мнению Адама Смита, нельзя отделять от совести и фактически от возможности божественного провидения. Потому что без совести (скажем так: без «незримой десницы» божественной благодати) дикий капитализм запросто приводит к коррупции, жадности, утрате здравого смысла и обычной человечности. Чтобы спасти капитализм и глобальную экономику, нам необходимо вернуться к этике Адама Смита — и нашей собственной совести.

Так что же должно произойти?

Вот что пишет в своей книге «Настоящая ценность» (“Good value”) председатель правления банка HSBC Стивен Грин: «Если мы хотим восстановить на рынках доверие и уверенность, нам необходимо заняться предметом, в основе которого лежат вопросы нравственности. Ни доверие, ни уверенность нельзя восстановить мгновенно, их нельзя восстановить по приказу: процесс обновления должен начаться с признания морального аспекта случившегося». Грин не согласен с тем, что «если рынок выдерживает, если закон

позволяет и если имеется контракт, то никакие другие доказательства справедливости не требуются». Наоборот, он утверждает: «мы не станем (во всяком случае, не должны) исходить из этого в нашей частной жизни. Так почему это должно быть приемлемо в бизнесе?»⁷

Такой же добропорядочный подход изложил в своей брошюре «Формула белого лебедя» («*The White Swan Formula*») Джеймс Фезерби. Автор, 25 лет проработавший в лондонском Сити в качестве юрисконсульта и занимавшийся сделками слияния и приобретения компаний, задаётся вопросом, как банки и другие коммерческие компании могут работать на «общее благо». Он пишет: «Встречи большой двадцатки на высшем уровне и усиленный режим регулирования не позволяют и не могут позволить бизнесу действовать ради общего блага... А вот личное решение каждого из нас — может. Заранее рассчитанного пути к тому, что будет дальше, — нет. У нас нет священного права на комфортабельное будущее. Будущее — это то, что мы, с Божьей помощью, решим из него сделать. Есть два варианта: или мы (частное ли лицо или представители бизнеса) выберем путь удовлетворения собственных интересов, который, как мы уже видели, ведет в никуда, или же мы займемся выработкой общих ценностей для деловых отношений».⁸

Заместитель редактора газеты «Файнэншл таймс» Джиллиан Тетт в своей книге «Золото глупца» («*Fool's Gold*») пишет о необходимости «широкой переоценки финансовой культуры. Слишком много лет банкиры считали «кредит» отдельно взятой игрой в цифры. А ведь корень этого слова происходит от латинского *credere*, что значит «верить». Это понятие зиждется на более широких общественных отношениях, о которых финансисты забывают на свой страх и риск. В конце концов, если и есть что-то, без чего не оздоровишь банковское дело, так это необходимость принятия руководителями, банкирами и политиками более *целостного* подхода к финансам. В сущности, нужно вернуться к банальным, на первый взгляд, добродетелям: осмотрительности, умеренности, взвешенности и здравому смыслу».⁹

Позволю себе в заключение некоторые практические предложения:

1. Бизнес-школам необходимо серьезно относиться к преподаванию этики предпринимательства. В журнале «Гарвард бизнес ревью» («*Harvard Business Review*», июнь 2009) помещена сильная передовица, где говорится, что курсы для соискателей диплома МВА с этой задачей не справляются.
2. Члены советов директоров должны иметь какую-либо подготовку по этике. Так же, как государство обязано заботиться о своих войсках на поле боя, как, скажем, в Афганистане, так и директора, отвечающие за управление компаниями, должны заботиться обо всех заинтересованных лицах, а не только об акционерах.
3. Тон, царящий на вершине больших организаций, имеет решающее значение в установлении этического тона по всей организации в целом. Моральный и этический тон

председателя совета директоров и генерального директора оказывают влияние на весь персонал. В качестве примера можно привести индийскую «Тата корпорейшн», основанную Джамсетжи Татой, прошедшего в юности обучение в качестве служителя зороастрийского культа.

4. Тех, кто «выносит сор из избы» необходимо защищать от несправедливого увольнения, чтобы они не боялись потерять работу, выступая против коррупции и совершения неоправданно рискованных операций. И, как утверждает сэр Дэвид Уокер, руководители служб оценки рисков должны иметь прямой доступ к высшему руководству компании.

6. Все сотрудники должны иметь хорошую подготовку в отношении законодательства о борьбе со взяточничеством и коррупцией. Скоро это станет обязательной нормой в Великобритании, где 1 октября вступает в силу жёсткий и давно назревший антикоррупционный закон. В Соединённых Штатах с 1977 года действует Закон о борьбе с коррупцией за рубежом, предусматривающий ответственность за подкуп официальных лиц за пределами США.

7. Необходимо подумать об альтернативных средствах владения собственностью, позволяющих передать личную ответственность в руки работников, например, о долевой собственности работников и формах товариществ с их участием. (Хорошим примером может служить «Джон Льюис партнершип», одно из наиболее уважаемых торговых предприятий Великобритании, и «Тата корпорейшн», которое на 60% принадлежит созданным компанией благотворительным фондам, в связи с чем она не может стать объектом недружественного поглощения.)

8. Нам следует добиваться создания «центров этического совершенства», если принять терминологию Тони Мэнуэринга, генерального директора английской консультационной «Компании завтрашнего дня» («Tomorrow's Company»); это напоминает идею «островков честности», провозглашённую антикоррупционной организацией «Транспэрэнси интернэшнл» и предлагаемую как модель для всего общества.

9. Должна быть сознательная приверженность высокому качеству продукции и услуг. Как говорит профессор Филип Бут, директор по редакциям и программам лондонского Института Экономических Исследований в Лондоне, «удовлетворять наши собственные потребности путём удовлетворения потребностей других».

10. Главное же, если мы хотим восстановить доверие, нам необходимо взять перед самими собой обязательство проявлять личную честность, которая, по словам Роджера Стира, преподавателя организационной этики лондонской Бизнес-школы им. Касса, представляет собой «сумму всех наших добродетелей»¹⁰. Как утверждает сооснователь ямайской компании Walkerswood Caribbean Foods Родди Эдвардс, принятие решений в

Центр
предпринимательства
США-Россия

бизнесе должно «ориентироваться на совесть», а не просто на прибыль. В моей книге приводится 15 примеров этических предприятий и социальных инициатив.¹¹

Но чем бы ни была этика предпринимательства — вопросом регулирования или человеческой природы, — уместно вспомнить мудрое замечание покойного Ханса Бёклера, президента Федерации профсоюзов послевоенной ФРГ: «Когда меняются люди, меняется и структура общества; когда меняется структура общества, меняются люди. Одно связано с другим и то и другое необходимо».¹²

Майкл Смит — английский независимый журналист, координатор организации «Коская инициатива для бизнеса» по Великобритании (www.cauxbusiness.org), автор книги «Доверие и честность в глобальной экономике» (Trust and Integrity in the Global Economy, 2007; 2-е изд. 2009).

¹ Sir David Walker, *Corporate Governance and Stewardship*. Лекция в «Компании завтрашнего дня», Лондон, 19 мая 2010.

² David Wheeler and Maria Sillanpa, *The Stakeholder Corporation*, Pitman, London, 1998.

³ Цит. по книге британского дипломата Арчи Маккензи (Archie Mackenzie) *Faith in Diplomacy*, Caux Books, 2002.

⁴ Nick Robins, *The Corporation that Changed the World: how the East India Company shaped the modern multinational* Pluto Press, 2006

⁵ Stephen Young, *Moral Capitalism, Reconciling private interest with the public good*, Berrett-Koehler Publishers, 2003.

⁶ Raymond W Baker, *Capitalism's Achilles Heel: dirty money and how to renew the free market system*, John Wiley and Sons, 2005.

⁷ Stephen Green, *Good Value: reflections on money, morality and an uncertain world*, Allen Lane, 2009.

⁸ James Featherby, *The White Swan Formula*, London Institute for Contemporary Christianity, 2009.

⁹ Gillian Tett, *Fool's Gold*, Little, Brown, 2009

¹⁰ Roger Steare, *Ethicability*, Roger Steare Consulting Limited, 2006.

¹¹ Michael Smith, *Trust and Integrity in the Global Economy*, Caux Books, 2007; St Paul Press, India, 2009.

¹² Цит. по: Garth Lean, *Frank Buchman: a life*, Constable, London, 1985. Бёклер выступал в Ко (Швейцария) в 1949 г.